

3.3. СИМВОЛІКА

Людмила Агеева

Знаки принадлежности в народном орнаменте Восточной Европы

В статье исследуются знаки клановой принадлежности в образцах народной вышивки и ткачества Беларуси и России. Предложена гипотеза об этимологической трактовке одного из них, а также рассмотрен ареал его распространения в археологическом материале.

Ключевые слова: народный орнамент, племенные знаки, сарматы, трезубец

Людмила Агеева

Знаки принадлежности в народном орнаменте Східної Європи

Стаття містить дослідження кланової належності у зразках народного вишивання і ткацтва Білорусі та Росії. Запропоновано гіпотезу про етимологічне трактування одного з них, а також розглянуто ареал його поширення в археологічному матеріалі.

Ключові слова: народний орнамент, племінні знаки, сармати, трезубець

В народном орнаменте еще достаточно много знаков, которые привлекают исследователей. Некоторые из них считают, что значение старинных вышивок уже забыто и никогда не будет до конца понято, так как их создателей уже нет. Однако этнографами собран богатый материал, позволяющий делать смелые гипотезы и находить много необычного, что дает возможность взглянуть на нашу историю по-новому.

Народный орнамент Восточной Европы включает в себя символику разного типа. Исследователи разделяют их на группы: растительный орнамент, зооморфные и антропоморфные изображения, геометрические композиции. Последняя группа включают в себя руноподобные и тамгообразные знаки. В нашей статье будут рассмотрены последние, которые иногда вплетаются в народный орнамент, а иногда целиком формируют орнаментальную композицию (*ил. 1–3*). Выявленные образцы имеют распространение на территории Беларуси и России. Интерес представляет как этимологическая их трактовка, так и ареал их распространения. Поскольку каждый из выявленных нами пяти знаков имеет свою этимологию и историю возникновения, нами будет рассмотрен один из знаков, зафиксированный на смоленских образцах народного орнамента рушников и одежды, опубликованных Н. Ю. Бобыкиной [1, с. 42] (*ил. 1, 3*).

На *ил. 1* и *3* представлены образцы народной орнаментики с тамгообразными графемами на смоленских рушниках, на *ил. 3* – белорусский рушник из Могилевской области. Часть знаков представляют из себя графемы, похожие на литеры Н, П и Ш. Еще три знака – пиктографическое изображение Ярилы, схематическая прорисовка которого представлена нами на *ил. 4* [2, с. 80]. В такой интерпретации он фигурирует у носителей

культуры на белорусских вышивках XIX века. Знак Ярилы представляет собой схематическое изображение всадника на коне, стреляющего из лука. Он распространен также в народном орнаменте Архангельской области и на Урале [3, с. 25]. Второй знак похож на грифона (ил. 5), хотя и имеет спорную трактовку, но если принять во внимание, что изображение этого мифического животного встречается даже на христианском Дмитровском соборе XIII века во Владимире, можно утверждать о существовании его культа у славян в прошлом. Третий знак, похожий на трезубец на подставке, скорее всего также имеет культовое происхождение. Поскольку его этимология не так очевидна, как у первых двух знаков, в данной статье будет рассматриваться генезис именно третьего знака (ил. 8, 9).

Графические знаки не так часто, но встречаются в белорусском орнаменте. Часть из них нами названы руноподобными, поскольку напоминают их по форме. Они рассматривались нами в работе [4]. Тамгообразные знаки напоминают пиктограммы. Таким видом рисуночного письма пользовалось множество культур по всему миру, наиболее древние из которых датируются 6000–9000 лет до н. э. Необходимо отметить, что Смоленская область не единственный регион Восточной Европы, где в народном орнаменте можно увидеть вилообразную графему. Например, этот знак обнаружен нами в орнаменте vareжек из Архангельской области (ил. 8) [5, с. 98]. Если рассматривать интерпретацию этого знака, можно предложить несколько вариантов.

1. Это может быть монограмма из слитых в один знак букв Н + Е или Т + С;
2. Это могут быть вилы, дерево, божество или схематическое изображение человека в позе жреца (с поднятыми к небу руками). В народной орнаментике Архангельской области конца XIX – начала XX вв. популярен мотив богини с поднятыми руками, представленный в монографии Г. С. Масловой [6, с. 122]. На этих рисунках божество иногда имеет руки в форме гребня. Принимая во внимание этот мотив народных вышивок, допустимо сделать предположение, что пиктограмма, возможно, является атрибутом Мокоши (в христианстве св. Пятница). Такая этимология фигурирует и в народном фольклоре, например, в белорусской загадке: “Сухая пятница косці грызе” (гребень) [7, с. 218]. Одним из атрибутов Мокоши было дерево, которое схематически может изображаться в виде ствола и двух ветвей, произрастающих из него в разные стороны вправо и влево. Еще один вариант этимологии данного знака – трезубец, в такой интерпретации подобный знак, размещенный в круге, фигурирует в работе Б. А. Рыбакова и рассматривается в качестве одного из вариантов знака Рюриковичей. Отпечаток с литейной формы для отливки перстня XI–XIII веков был найден в Киеве в великокняжеском дворце археологом В. В. Хвойко [8, с. 227, илл. 21/26].

Знак трезубца выявлен нами на старинном надгробном камне в Крыму, где он изображен зубьями вниз (ил. 10). Но еще более древнее изображение данной графемы обнаружено на монете скифского царя Савмака, правившего на Боспоре во II веке до н. э. (ил. 11) [9, с. 166]. Изображенный на монете знак, по мнению исследователя Э. И. Соломоника, является одним из ранних памятников с сарматскими знаками. Сарматские племена пользовались тамгами как родоплеменными знаками. А само слово “тамга” тюркского происхождения и имеет значения: “тавро”, “печать” или “клеймо”. С одной стороны, обитание сарматских племен традиционно связывается с югом России, Уралом и Зауральем. С другой стороны, тамгообразные знаки присутствуют на некоторых княжеских (шляхетских) гербах Великого княжества Литовского. Исследователь С. В. Воронятов сообщает,

что некоторые сарматские материалы Поднепровья и материалы постзарубинецких памятников Подесенья позволяют постулировать Днепро-Деснинский путь проникновения элементов среднесарматской культуры в Поочье и Москворечье. В качестве объяснения обстоятельств попадания сарматских тамг на территорию культур лесной зоны автором предлагается гипотеза о матримониальных связях между представителями номадической культуры и представителями культур оседлых племен, обычно сопутствующих даннической зависимости последних от кочевников [10, с. 412]. С другой стороны, принимая во внимание тот факт, что некоторые элементы сарматской культуры в разном количестве встречаются у разных народов (славян, финно-угров, тюрков, некоторых народов Кавказа), можно сделать предположение, что сарматы не были моноэтническим обществом.

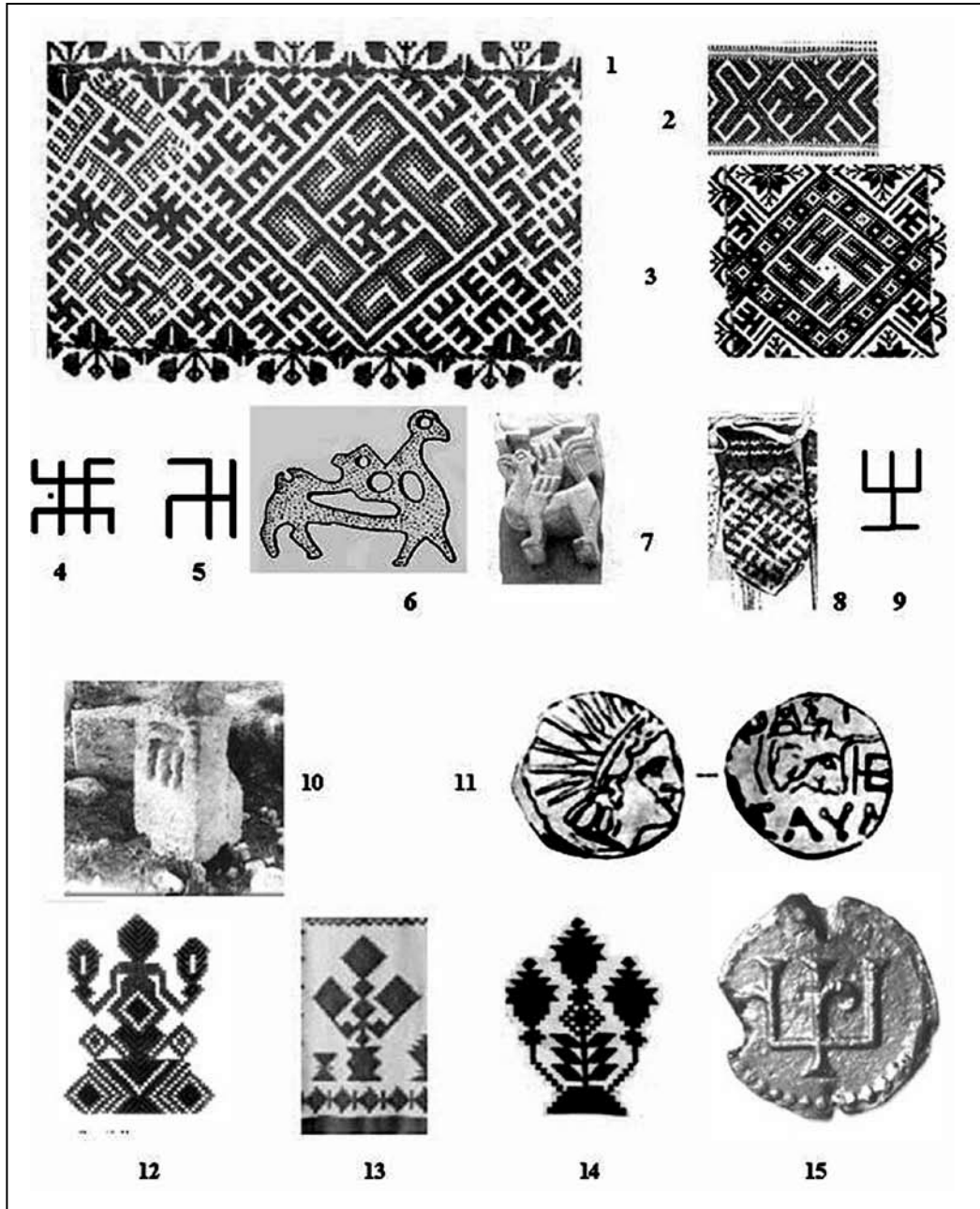
Тамги были фамильными символами владения какой-либо территорией, рекой, охотничьим угодьем, да и вообще родоплеменными знаками. Их можно было вышить или соткать на рушнике или на одежде, на кольце, на любом предмете, где человек хотел обозначить свою собственность, а также изобразить на теле в виде татуировки. Тамги до сих пор находятся в употреблении у некоторых народов Кавказа (Дагестан, Осетия). Что-то похожее существовало еще недавно и у белорусов, примером тому могут служить так называемые “бортные знаки” пчеловодов и знаки шляхетских гербов.

Сравнительный анализ рисунков белорусских, русских и украинских рушников позволил нам сделать еще одно предположение, касающееся этимологии рассматриваемого знака трезубца. На *ил. 12–14* показаны фрагменты украинского и белорусских рушников со стилизованным изображением трехсвечника. Украинский образец имеет название “Берегиня” (*ил. 12*) [11, с. 243, 278]. Свечи в качестве ритуальных предметов использовались с древних времен. Само слово “свеча” этимологически близко к словам “свет”, “светлый”, “святой” и связано с культом огня и жизни, а потухшая свеча в славянском фольклоре фигурирует в качестве символа смерти. Видимо поэтому перевернутое изображение трехсвечника представлено на надмогильном камне в Крыму. Конечно, такие предметы, как свеча и огонь, были известны не только славянам. Например, этот культ до сих пор существует у последователей зороастризма на Востоке. В современных православных практиках свечам приписываются целебные и обереговые свойства. В народных ритуалах славян, а также во многих странах Европы до сих пор популярны прыгания в оздоровительных целях через костер на Купалье. Вероятно, в древние времена, когда человек еще не научился высекать огонь из кремня или трением, одним из способов его добычи была молния. Поэтому, видимо, появился обряд освещения *свечей* на Громницы. Хорошо известна народная примета: если в церкви чья-то свечка потухла, это означало скорую смерть человека, поставившего эту свечу [12].

Это дает нам основание сделать предположение, что трехсвечник был ритуальным предметом и оберегом у славян, как например, менора у евреев. Он мог быть атрибутом семейных, календарных и религиозных обрядов. Например, в «Слове о полку Игореве» «трисветлым» называется солнце, а это значит, что светло воспринималось как триединое – утреннее, в зените и закатное. Наверняка, трехсвечник мог означать также прошлое, настоящее и будущее, т. е. быть символом времени, а в более позднее время слиться с образом святой Троицы. Во всяком случае, выражение “догорала свеча” имеет значение заканчивающегося промежутка времени.

III. САКРАЛЬНЕ МИСТЕЦТВО

В итоге можно сделать вывод, что рассматриваемый знак может быть тамгой, возможно и сарматской, которая, в свою очередь, могла быть схематическим изображением трехсвечника, культ которого уходит на большую хронологическую глубину, учитывая тот факт, что был изображен на скифской монете царя Савмака во II в. до н. э., задолго до Рюриковичей.

Ил. 1–15

- Ил. 1. 3. Фрагменты смоленских народных вышивок с тамгообразными знаками [1, с. 42]*
Ил. 2. Фрагмент белорусского рушника из Могилевской области, начало XX в. [13, с. 104]
Ил. 4. Прорисовка знака Ярлы
Ил. 5. Прорисовка графического изображения грифона с белорусского рушника (ил. 2) и варежки из Архангельской области, начало XX в.
Ил. 6. Амулет грифона II в., курганное захоронение, Приладожье [14, с. 103, рис. 7]
Ил. 7. Изображение грифона на фасаде Дмитровского собора, XII в., г. Владимир на Клязьме, Россия
Ил. 8 – варежка с тамгообразным знаком, нач. XX в. Лешуконский р. Архангельская обл. [5, с. 98]
Ил. 9. Прорисовка знака на варежке и фрагменте орнамента на ил. 3
Ил. 10. Надмогильный памятник, Крым
Ил. 11. Монета скифского царя Савмака с тамгой, II в. до н. э. [15, с. 166]
Ил. 12. Украинский орнаментальный мотив “Берегиня” [11, с. 243, илл. 13]
Ил. 13 и 14. Стилизованное изображение трехсвечника в народном орнаменте Беларуси и Смоленской области
Ил 15. Печать новгородского княжеского чиновника XII–XIII вв., Новгородский музей [16].

1. Бобыкина Н. Ю. Происхождение вышитых орнаментов. Москва: ИП Скороходов, 2014. 208 с.
2. Фадзеева В. Я. Беларускі ручнік. Минск: Польша, 1994. 328 с.
3. Климова Г. Н. Текстильный орнамент коми. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1994. 130 с.
4. Агеева Л. Е. Астральная символика некоторых знаков рунического типа в народном орнаменте // *Історія релігій в Україні: наук. щорічник / за заг. ред. І. Орлевич, О. Киричук, М. Омельчук. Львів: “Логос”, 2019. С. 98–104.*
5. Дмитриева С. И. Традиционное искусство русских Европейского Севера: этнограф. альбом. Москва: Наука, 2006. 286 с.
6. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. Москва: Наука, 1978. 207 с.
7. Загадки. Минск: Наука і тэхніка, 1972. 448 с.
8. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // *“Советская Археология”*. 1940. № 6. С. 227–257.
9. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 180 с.
10. Воронятов С. В. О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур // *Российский археологический ежегодник*. 2012. № 2. С. 412–432.
11. Селівачов М. Лексикон української орнаментики. Київ: Редакція вісника “АНТ”, 2005. Вип. XV. 400 с.
12. Славянские древности: этнолингвист. слов.: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 567.
13. Лабачэўская В. Повазь часоў. Минск: Беларусь, 2009. 300 с.
14. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV // *Археология СССР: свод археологических источников*. Ленинград: Наука, 1981. Вып. Е1-60. 124 с.
15. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 180 с.
16. URL: https://yandex.by/images/search?p=7&text=археология%20болгарии%20pdf&pos=283&rpt=simage&img_url=https%3A%2F%2Fp4.tabor.ru%2Ffeed%2F2016-12-26%2F12360515%2F280731_760x500.jpg&lr=157.